Евгений СЕНСУАЛИС — Стихи у линии фронта. Донбасс

РАССТРЕЛЯЛА
Вселенная границы потеряла…
Вы спросите, а что было сначала?
5.22 сорока расстреляла
Короткой ещё сумрачный бульвар
И повторила очередь вдогонку.
Бомж собирал по урнам свой навар,
Звеня стеклом, благословлял попойку,
Которой горожане предались
Вчера. Над ним зонтом висела высь
замызганной изрядно атмосферы.
Поодаль дул в свою трубу завод.
Свет медленный
прорвал весь горизонт
С востока, и устроил марш по скверам,
зализывая пыль окрестных крыш.
Паук поправил ниточки ловушки,
Готовясь доказать своей подружке,
Что атрибут его не лыком шит.
На мониторе тридцать дней восьмого,
Последнего из летней череды
Катрена года. Я на пару с Богом
Смотрел в себя, считал свои плоды
И размышлял над смыслом
здесь сусеки
Скрести души, казаться человеком,
Познавшим всё, но хрен что понимать
И нарываться на рожон опять…
Оставив в прошлом этого сюжета
Преамбулу, идём прощаться с летом.
Идём тепло его запоминать,
Конечно к морю, как всегда, опять,
Не нарушая древнего обряда.
Предчувствуя красоты листопада,
Шумят деревья, ловят кроной бриз,
Как я твой взгляд,
как голубь свой карниз,
Как сердце нежность,
как Коран покорность.
Сорвалось время,
набирает скорость…
И вот я паутинку разорвал
Лбом, обозначив августа финал.

Я УВИДЕЛ ОДИНОЧЕСТВО
Я увидел одиночество.
Это Бог сидел на крыше
И смотрел, как расплываются
под подошвой облака.
Он ронял в людей пророчества,
чтобы кто-нибудь услышал
То, о чем ребёнок мается
в ветхом теле старика.
Бог смотрел на нас задумчиво,
как в стихи уставший автор.
Правил, черкал и дописывал,
мял в сомнении листок.
Грезил, нервничал, вымучивал
и откладывал на завтра
Эту вечную вселенную –
совершенство в пару строк…

ДЫРКА. ОСКОЛОЧНОЕ
Жизнь вместилась в пару строк
в книжке почерком казенным.
Пограничник одинок,
а когда-то был влюбленным.
Из нажитого – медаль,
телевизор, старый чайник.
Пограничник смотрит в даль,
сам себе теперь начальник.
Больше нет уже страны,
чьи берёг старик границы.
Нет на кухне полстены.
Окон битые глазницы
Наблюдают, как в гнезде,
на корявой ветке клена
Сойка, полетав везде,
желторотых кормит дома,
Пока залпы не слышны
и заткнули глотки пушки.
Пограничник подобрал
от снаряда завитушки –
Алюминий чист и бел,
хищен рваными краями.
«Град» в двор старый залетел.
Больше нету тети Ани.
Перебит газопровод.
Электричество осталось.
В третий раз за этот год
дому дедову досталось.
Пограничник матом гнет,
поливает тех и этих,
Он на линии живет,
на ничейном белом свете.
Сквозь помехи передач
пропаганда, ссора, склока.
А в подъезде стон и плач,
да мольбы о мире к Богу.
Пограничник китель взял
из руины шифоньера.
Пыль стряхнул и зарыдал,
не сдержался,
блин, холера,
Обнаружив, что война
дырку сделала в медали,
Будь ты проклята…
А даль снова залпы сотрясали…

1 СЕНТЯБРЯ
Грустит сентябрь спиной к стене,
В день знаний знать уже не хочет,
Чем я его встречал во сне,
Чем сценаристы сна морочат
Того, кто ждёт, когда состав
Небесный тронется к рассвету.
Сейчас жерделевый сустав
Помашет на прощанье лету,
Неся в растресканной коре
Пыль городка, где мы с тобою
Искали счастья на земле
В разжатых линиях ладони.
5:27 сирена в крик,
Включили свет над облаками.
Сентябрьский лист под грузовик
Попал. И скоро каблуками
Их будут сотнями давить.
Ловить себя на том, как славно
Сияет паутинки нить,
Проплывшая по миру плавно…

КАНОНАДА
Я вырван птицей из контекста сна.
Скрипела сойка, что уже весна
и распрямляла крылья голубые.
Кричала, что ей скоро на обед
Господь подаст птенцов, не спи сосед
воробушек, у этих соек нет
завета «не убей», они такие,
что нужен непременно глаз да глаз.
Они не знают арамейских фраз,
как и не чтут библейского иврита.
Им заповеди, что тебе песок,
холодный ветер в тоненький висок
или Сатурна странная орбита.
Кричала сойка, что уже апрель,
разбрасывая на лужайке прель
останков прошлогодних листопадов.
А с колокольни лился благовест,
на маковке сиял согретый крест
и близкий фронт рассеивал окрест
тяжелые цитаты канонады…

7.4.19 Благовещение. Донбасс

OPIUM
Море неба у меня под сердцем.
Необъятность и необъяснимость.
Ты сестрой мне и единоверцем,
Так случилось.
Воздух густ,
как кровь в моих протоках,
Чтоб вобрать, мне легких не хватает,
А весна высоковольтна током.
Так бывает.
Жизнь, как концентрированный опий.
Чувства хлещут, словно сок из раны.
Я тобой, как вытяжкой утопий,
Вечно пьяный.
Ты – нежнее нежности, пожалуй,
До твоих высот мне жизнь и дальше.
Ты почти религией мне стала,
Где нет фальши…
У меня на сердце море света.
Что-то там кромешно обострилось,
Мой апрель безумствует отпето.
Ты случилась.

ПУЛЯ
Спотыкается ветер, врезается в шторку,
раздувается органза.
Я сижу у окна человеческим волком,
тычу в марта субстрат глаза.

С маячка сигаретного пеплы летели
в серый вечер промозглый, а там
дождь, подробный как доктор,
пальпировал цели
на аллеях, стучал по зонтам,
норовил угодить
за надушенный ворот
чьей-то мимо бегущей мечте,
у которой в заложниках
два ухажёра,
и долги по теплу и воде.
Её плащик лавсановый не по сезону
(столбик градусов к минусу льнет).
Но мечта не сдается, пугает ворону,
небо в лужах форсирует вброд.
Держит спинку,
и флагом улыбку, ей даже
удается почти не дрожать.
Вечер катится к ночи, небесную сажу
добавляют процентов на пять…
Гороскоп прогнозирует
всем послабление.
Понедельник готовят в тираж
облегченною версией с опцией лени
и блестящею кнопкой «кураж».

Антрацит завалил небеса воскресенья
и углы моего корабля.
Я в ответ сорок ватт
на спираль просветленья
запускаю уютности для.
Жизнь сочилась в корнях,
бесшабашно ликуя,
смяв блокпост с его вывеской «Стой».
А Земля пролетала пространство,
как пуля
над окопом, и пахло весной.

АПГРЕЙД
А Господь любил их случайно встречать
в каком-нибудь переулке вместе,
когда солнца заваливалась печать
за вечерние крыши, старухи в подъездах
завершали котов и собак возврат
по квартирам, где пахнет
вишневского мазью,
на затертых обоях ковры висят,
а на окнах зашторки линялой бязи.
За которыми быстрый сгущался мрак
в фонариных проколах,
как в дырках моли.
Черный свитер небес надевал Мастак
сочинять этот мир, назначать нам роли.

Бог смотрел, как те двое глазеют ввысь,
различая Его силуэт по звездам,
рассуждая, что всё-таки эта жизнь
самый лучший апгрейд,
где ничто не поздно
начинать от любви до библейских строк
«и откроется дверь перед тем,
кто стучится».

А потом он губами её грел висок
и просил на прощанье почаще сниться.

ПОРОШОК. ИНСЕКТИЦИДНОЕ
Белел в углу каморки порошок.
Бог мир творил в ускоренной вселенной.
Кот вскрикнул, испытав культурный шок
от кадра сна в своей душе нетленной.
На плитке кухни солнечный разгул.
Февраль сбавляет тихо обороты.
Скрипит доска.
В духовке дух «Шарлотки»
и в яблоках видавший виды стул,
как конь с картины di Bondone Giotto.

Расстелен холст и выдавлен состав
из тюбиков в открытое пространство.
Кисть тонкая саднит непостоянством
всего на свете, чем-то высшим став,
как анкх Египта или кнехт идей
в зачитанном до пустоты Талмуде.
За стенкой о войне толкуют люди.
И мне все меньше места средь людей.

Акрил покрыл льняное полотно.
Душа в разгул пустилась нараспашку.
Господь простил грехи и дал отмашку
распахивать небесное окно.

А там, где за околицей стрелял
брат в брата, из гортани миномета
текла над полем, как туман, суббота.
И пес голодный чью-то кровь лакал.
А высоко над этим пустяком
звезда рождалась, атомы делились,
сжималось время в асинхронный ком
и вечностью мгновенье становилось.

Инсектицид. Сбегает насеком.
Несет сироп из яблочной кожурки
он насекомке в бежевой тужурке
хитиновой, серьёзный, как домком.
За ним следит всевидящий зрачок
кота, что ус испачкал в синей краске.
А кисть холсту такие дарит ласки,
что по созвездиям ураганный ток.

Бог мир творит. Я опустел и слег
в Его надежду истину нащупать.
Глаза закрыл и слушаю, как ухать
продолжил фронт
в уставший мой висок…

СКРИПКА
Ночь истекает в закрома свои
Рассвет с окон ее смывает копоть,
Лишь влажными остались фонари
Глазами хлопать.
Нам раздвоиться наступает срок,
Из одного расстаться в двух спешащих.
Часы подрежут стрелками итог
О настоящем.
Ты тонкая, как напряженный стон,
Лучишься из наброшенной рубахи,
В которой я пришел из тьмы времен
Изгнать все страхи
Того, что ледяною станет кровь,
Что странно онемеем мы сердцами,
Что откровенья не случится вновь
Под небесами.
Мы двое тех, что сплетены в комок
Одной неутолимой дикой жажды
Поверить, что не зря придумал Бог
Любовь однажды.
Ночь истекает в закрома свои
День наступает светлый, как улыбка
Твоя. Глаза сомкнули фонари.
Играет скрипка…

ПРОЖИЛКА
На гладь прозрачную окна
Приклеен лист медовый лодкой.
Как я к событиям сейчас.
Не всё зависит здесь от нас.
Искусство осени. Она
Горазда мир менять весьма.
В прожилках тонкого письма,
С резной каёмкой, беззаботно
Вбирает солнце лист, пока
На небе кто-то расставляет
красиво очень облака
с заметной ленью знатока,
который всем здесь управляет.
Скребутся в стёкла пальцы веток.
Привет, сентябрь-малолеток,
Тебе сегодня стукнет два
И мои рваные слова
Твоих эмоций не охватят.
Пока запасы не истратят
Все кроны ближе к декабрю.
В сентябрь я снова полюблю
Весь мир и сердце моё спятит
От этой блажи обнимать
Душою промельк дат опять…

Мариуполь

МАРТОВСКАЯ МЕТЕЛЬ
Эти деревья снегом осыпаны
словно золой,
если сказать точнее – посыпаны пеплом.
Март-то какой выдался стылый, злой,
всё норовит посильней стегануть ветром.
Очень хочется занырнуть в дом,
чтобы окно отгораживало – спасало.
Среди хлама, наверное, в доме том
где-то валяется кремень и кресало.

Чиркнуть кремнем по камню,
высекая искру из тренья камней –
если ещё живым я себя пока мню,
только и закурить осталось пока мне.
На ползатяжки и есть времени,
а мысли – камней груда
или листвы ворох.
Как бы с потолка не угодило по темени,
что-то там вверху
подозрительный шорох.

Что за эпоха, и кто в ней?
Все витии с воем ползут в пророки.

* * *
Не оскверняйте тишину
Пустым ненужным разговором,
Пока я лягу и усну,
Чтоб утром пристальным дозором
Окинуть сирую страну,
покрытую сплошным позором,
Коей поставили в вину
То, что служило ей узором,
Расписанным под старину,
Украденным заморским вором,
И проданным за косогором,
За аукционную цену.

* * *
Стремительная, резкая, живая
Ты рана моя нежно-ножевая…
Я в интернете твой открыл портрет –
Была в июле, и простыл твой след.
Зачем хожу –
я до конца не знаю?
Я к краю подхожу и отступаю.
Но знаю, на семь бед один ответ,
И только рот как рыба открываю –
Остры языки огня,
Бесстыдны и откровенны.
Куда вы влечёте меня,
Мои дремучие гены?

Туда, в допотопный ад,
К пещерам, камням и крикам,
Где плясок чумной маскарад
Шаман вызывает с гиком.

О, как ты хитёр, огонь,
Как ловок и непонятен.
Из пекла выносится стон
И блики неясных пятен.

Омега и Альфа ты –
Ты был ещё до сотворенья,
Со светом далёкой звезды
Открыл мне тайное зренье.

Я знаю – в конце пути,
Над плазмой немого покоя,
У щёк, твои языки
Пахнут очистительным зноем.

Сергей ГЛОВЮК — Над плазмой немного покоя

То ли время поднабрать камней,
то ль разбросать их, какие сроки?!
Вроде бы фундамент цел,
и крыша есть, но слегка едет.
Можно, к примеру, взять мел
и написать на стене гордо Петя!

Только вот Петя взял однажды Рейхстаг,
сходу въехал туда на танке,
и ты теперь можешь ускоренно выучить
гутен таг,
или купить американские аэросанки.
А какая удобная вещь – газ, тормоза
и дави, тарань, разрывай сугробы,
даже не надо разувать глаза,
так и мчись, осклабясь, до самого гроба.

Посиди, помечтай ведь стекла в окне два,
а между ними сплошной вакуум.
Можно взять пивка, пожевать рукава,
съездить к подруге и оттянуться со смаком.
Или взять объявить себя венцом,
альфой, омегой, гаммой всего творенья,
а потом, усугубив немного винцом,
выйти и гаркнуть на все города и селенья.

Было давно указано – путь кремнист!
Только местами скользкий лежит булыжник,
всё-таки снег первозданный, покрывший
их, был чист,
думаю, знает об этом любой лыжник.
Ох, эти окна, windows – глянец, шикарный вид,
лучше чем вид с крыльца или порога,
там только темень и грязь, но звезда горит,
молча горит, ибо эта Звезда от Бога.

* * *
Эту жизнь, что на жизнь не похожа,
Вижу я на экране – в кино.
Вот какой-то бродяга прохожий
Загляделся в пустое окно.
Будто что-то за вздернутой шторой
Показалось знакомым ему,
Вот и мне на экране просторном
Что-то видится, что – не пойму?
Все казалось таким очевидным
И понятным и ясным вполне,
Что же всё-таки он там увидел,
В непрозрачном, немытом окне?

Затихают пустые бульвары,
Затихают потоки машин.
Исчезают мосты, тротуары,
Свет струится с небесных вершин.
Лишь коснётся он зеркала окон,
Перед ним расступается тьма.
Всё же в мире не так одиноко,
Даже если пустуют дома.
Мне без тебя нигде дороги нет,
И как дышать – я без тебя не знаю,
Лишь воздух ртом отчаянно глотаю.
А ты забыла мне открыть секрет.

* * *
Пройдусь опустевшим
осенним бульваром,
Хлеб-соль вам за круглым столом.
Я понял, все понял –
с тобой мы не пара,
А ветер прохладный
с сырцой и угаром,
Листву ворошит
по седым тротуарам,
Взбивая под ложечкой ком.
Зачем ему трогать
истлевшие листья,
Зачем? Ворошба не волжба.
Как долго к такой вот
простейшей из истин
Меня подводила судьба.

И все же в кофейне
сквозь дым сигаретный,
Хмель выгнав из головы,
Так больно царапнул
твой легкий ответный
Кивок и внезапное «вы».
А дождик накрапчатый пуще и пуще –
Что ж, крепкого кофе сварю,
И черною, жгучею, горькою гущей
Я угли надежды залью.

* * *
Скулы его сведены улыбкой,
В пальцах лёгкая дрожь.
Опустошеньем, осечкой, ошибкой
Это не назовёшь.

И хладнокровно
в прищур прицела
Смотрят зрачков зеркала.
Пуля взметнулась, пуля запела,
Пуля давно ждала.

Между деревьев
мелькнёт волчица,
С ветки вспорхнёт птенец.
Мир расщепляется и двоится –
В полёте слепой свинец.

* * *
Как ярок, как зол огонь.
Как пепел лёгок и светел.
Крылом задевая боль,
Шумит разъярённый ветер.

И в прах превращая листы
Уже отшумевшей жизни,
Танцуют костров цветы
На долгой ночной тризне.

* * *
А взгляд-то тяжелый, угрюмый
С лежанки на стылой печи.
Всё думы, и думы, и думы;
Проспал – и кричи, не кричи.

Уже не услышишь ответа,
И эхо у тихой реки,
Как вздрогнут от шепота ветра
Дремавшие ветви ольхи.

Как белый, тягучий и плотный
Редеет и рвётся туман!
Как розовым отблеском окон
Слегка полыхнули дома!

Вот так! А хотел всё увидеть,
Будильник крутил на завод.
И что? Теперь будешь в обиде
На красно-кровавый восход.

* * *
Смотрю на жизнь сквозь старое окно,
Она проста:
днем – свет, а в ночь – темно.
Окно выходит в тихий сонный двор,
Глядит на покосившийся забор.
Уже давно забор тот вековой,
Склонился над разрытой мостовой.
И тянет, тянет вниз его земля,
Как будто бы накинута петля.
Земля, земля и я к тебе клонюсь,
Когда молюсь или упасть боюсь,
Когда как блудный сын к тебе приду,
А значит, навзничь, долу упаду,
И ярая мятежница душа,
Когда лежать я буду чуть дыша,
Рванется из тончайших цепких пут.
А вырвется, и что? – На Страшный Суд!
Да, жизнь проста: то свет, а то – темно,
Как ветхое разбитое окно.

Дмитрий СОСНОВ — Небо на земле

РОДНАЯ УЛИЦА
Не расчешет ветер нынче кудри тополя.
В них монеткой затеряется луна.
Вдалеке осталось –
где-то всё жёстокое.
Здесь же – улицы любимой тишина.

Здесь дымы печные только.
Не мангальные.
И реклама здесь пока не завелась.
Но в разлитой тишине
есть что-то главное,
Над моей душой имеющее власть.

То ли детства память –
синяки да ссадины,
На рыбалку сборы утренней зарёй.
Слава Богу,
рос не паинькой детсадовским
И любил похулиганить я порой.

То ли юности тревоги-размышления –
Посидеть-подумать
был всегда горазд.
На глазах сошла на нет эпоха Ленина,
На глазах полез на гору новый класс…

Ты со мною вечно, дух моей окраины,
Кем бы ни был я и где бы я ни жил.
Без тебя бы одиночкой неприкаянным
Я б не выжил в суете, хуле и лжи.

Не расчешет нынче ветер
кудри тополя.
В них монеткой затеряется луна.
Омывает сердце добрыми потоками
Снова улицы любимой тишина.

В КЛАССЕ
Пока концертмейстер отсутствовал,
Ты в нотной тетради своей
Начертывала что-то грустное,
Почти что чайковских кровей.

Я знаю, что сентиментальностью
Сей гений не близок тебе,
Но, может, потом с благодарностью
Ты день этот вспомнишь в судьбе.

Легли на фоно твои волосы,
Закрыли – попутно – тетрадь,
А я про себя тихим голосом
Сказал, что сумею понять

Тебя – и задумчиво-грустную,
И взрывчатую, как тротил…
Недаром, событья предчувствуя,
По нотным линейкам бродил

Зеленый и остро-отточенный
Привычный тебе карандаш…
«Все счастье
Всевышним проплочено!».
«Оплачено!» – правку ты дашь.

* * *
Ты носишь нынче тёмные очки,
И траурность умелой тонировки
Скрывает глаз волнение почти
Удачнее, чем светские уловки.

Но темным стёклам не дано скрывать
Отметины горячих поцелуев,
И туши на ресницах синева
Едва ли их умело заштрихует.

А цвет помады (стало быть, и вкус)
Остался тот же самый –
мой любимый.
Я удивляюсь, сколь пригожий груз
Желаний страстных проношу я мимо.

Когда на тёмной лестнице порой
Столкнёмся неминуемо глазами,
Я вижу – взор, скрываемый тобой,
Частенько дышит тайными слезами.
И грудь в волненье видимо дрожит:
Отлично знаешь – от меня не скроешь.
Зачем же паутину этой лжи
Ты неумело, но упрямо строишь?

Но есть лекарство от подобных бед:
Простить ошибки, и друзьями дальше
Нести в миру тот незакатный свет,
Которым оба созданы – без фальши.

НАЕДИНЕ С РОССИЕЙ
Надо мною купол неба синего,
А вокруг деревни тишина.
Вновь душа наедине с Россиею
Вечных чувств торжественно полна.

Дай то Бог, чтоб колесо истории
Покатилось к свету и добру,
Чтоб слова поэтов что-то стоили
В потерявшем Господа миру,

Чтобы звёзды
всем влюблённым виделись
Так, как мне в сей драгоценный час
Верю я – восстанут духа витязи,
Что пока безвестны среди нас.

Не хочу повторов потому-то я,
Лишь скажу: «Живи, страна моя!»,
Не сломить тебя
кремлёвской смутою,
Если смысл святого бытия

Вспомнишь ты…
И всё пойдёт спасительно
Как давно б идти пора уже.
…Я опять наедине с Россиею
Продолжаю разговор в душе.

* * *
Ты – мой ангел удачи,
я – твой ангел защиты,
Сочетанье такое – милосердье небес.
Знать Предвечный продумал
судеб наших орбиты,
Чтобы судьбы – при встрече –
дали радости блеск.

Нет здесь выдумки вовсе –
цифры наших рождений
Посрамили почти что
все ошибки в былом.
Пусть печали уходят,
как солдаты на дембель,
Как лачуги гнилые –
под бульдозер – на слом!

Чтобы души сумели
проявить все богатства –
Всё сияние неба в каждом деле земном.
Чтобы Веры свеченье
никогда в нас не гасло –
Вот за это Всевышнему
будет общий поклон.

Ты – мой ангел удачи,
я – твой ангел защиты…

* * *
Гималайский рассвет
проплывал над окраиной города.
Поражались вороны.
Дивилась на окнах замазка:
Отчего? Почему?
Наконец, по какому же поводу
Этот праздник небес,
эти Рериха чуткие краски?

Я замедлил свой шаг.
Вдохновлённый природою, встал,
Не желая глаза оторвать
от святынь небосвода.
В чутких красках нашлось,
что искали сегодня и встарь:
Покровительство Бога, Любовь
и, конечно, Свобода.

Понял сразу точней,
чем в ушедшие вдаль двадцать три,
Что негоже совсем
за стандартом поэзию прятать.
Только сердцем свободным
мы вещие строки творим,
Чтобы в небо подняться словами –
легко и крылато!

ПАМЯТИ ОЛЕГА ЧЕРТОВА
В эпоху чёртовых страстей
Так не хватает нам Чертова –
Его пророческих вестей,
Записанных чистейшим словом,

Без глупых игр в постмодернизм
И авангардных чёрных ляпов.
Поэт, хранивший словом жизнь,
Перед тобой снимаю шляпу.

И с фотографии твой взгляд
Улыбкой доброю пронзающ:
Глаза как будто говорят:
«Спасибо, что не забываешь!».

И не забуду. Томик вновь
Стихов неспешно открываю.
В них – Вера, Совесть и Любовь
Надеждой снова окрыляют.

* * *
Сигарета прилипла к губе.
Оторву без особенной боли
И уйду, укрываясь в толпе,
Хоть на час от печальной юдоли.

Счастье кончилось.
Здесь, на Земле,
Всё кончается. Поздно ли, рано –
Мы покинем телесный наш плен,
Превращаясь в полоски тумана,

Чтобы плыть над своей стороной
Сорок дней, а потом воплотиться
Не спеша в атмосфере иной,
Охраняемой Божьей десницей.

Это каждого ждёт. Только я
Нынче Бога молю об отсрочке.
Дай, Спаситель, кусок бытия
В утончённой земной оболочке.

Я ещё слишком мало успел
Послужить Тебе словом и делом,
Потому так трагически смел
Я в молитве – такой неумелой.

НЕБО НА ЗЕМЛЕ
Хочешь, облако в ладони твои
Синеватым ручейком перельётся?
Можно небо на земле сотворить,
Чтобы в каждом сердце
было по солнцу.

Чтоб любовью бесконечных широт
Преисполнился измученный глобус.
Чтобы выжил человеческий род –
Самый сложный
Богом созданный опус.